

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ
ЭТНОЛОГИИ И
АНТРОПОЛОГИИ**
им. Н.Н. Миклухо-
Маклая

*Посвящаю эту книгу памяти моих дорогих и любимых родителей:
Людмилы Алексеевны Венкстерн (9 апреля 1931 г. — 4 февраля 2022 г.)
и Игоря Леонидовича Рыжакова (3 декабря 1932 г. — 29 мая 2005 г.),
бесконечно поддерживавших все мои путешествия и с огромной
любовью и интересом всматривавшихся через мои глаза в жизнь
и культуру народов Северной Бенгалии*

Введение

Земля олив, бамбука, молочая

Бог Солнца имел двух дочерей — Мукди и Кунди. Они сопровождали своего отца, когда тот путешествовал через небосвод, от горизонта до горизонта. Однажды, двигаясь вместе с ним, они заметили на земле одно место — Расан Мукпарк Тари, «гору, где восходит солнце». Пошли туда, и начали бродить, наслаждаясь. Там они встретили прекрасного мужчину, Хаджу, и полюбили его. Хаджу женился на обеих; говорят, что их потомки стали предками народа коч.

Дочери солнца (миф коч).

Ghosh G. K., Ghosh S. 1998: 16–17. № 24

Ночной поезд *Падатик экспресс*, идущий с калькуттского вокзала Селда на север, пересекает границу районов Западной Бенгалии Муршидабад и Мальда с широким руслом реки Ганги затемно. Далее путь лежит по двум причудливым, извилистым районам Южного и Северного Динаджпура — крайне узким, настолько узким, что в одном месте их ширина не превосходит 27 км. Это так называемая «куриная шейка»¹, или «бутылочное горлышко» Индии, или «коридор Силигури», по которому проходят железная дорога и трасса национального значения, National Highway NH 31. Это — самое узкое место Республики Индия, территория, где едва ли не сходятся в точку границы Непала, Бутана, Бангладеш, область связи основной индийской территории с Сиккимом и Ассамом. Современная конфигурация этих границ прочерчивалась в 1947–1948 гг. (карта 1).

Здесь ощутимо меняются ландшафт и климат (ил. 1): становится прохладнее, за окном рисовые поля все больше и больше

¹ В Южной Азии существуют две так называемые «куриные шейки» (chicken neck), и обе — результат раздела страны в 1947 г. на Индию и Пакистан: Силигури и — на территории современного Пакистана — Акхнур Дэггер (Akhnour Dagger, «Кинжал Акхнура»).

обрамляются тонкими стволами арековых пальм, кое-где виднеются чайные плантации. Сероватые туманы, легкая дымка. Оставшиеся кусочки леса — то, что не было вырублено и выжжено народами, занимающимися передвижным подсечно-огневым земледелием. Кое-где девственные джунгли еще сохраняются, но не там, где пролегло железнодорожное полотно. Все реки в районах севернее Динадждпура текут уже не с запада на восток, как в остальной Бенгалии, а с севера на юг, беря свои истоки в Непале, Сиккиме и Бутане (ил. 2, 3).

Чуть дальше, в районе Джалпайгури, некогда было изобилие оливковых рощ, откуда город и район получили свое название — *джалтай* (Indian olives, *Elaeocarpus serratus*), олива (ил. 6). Сейчас эти деревья, правда, можно увидеть довольно редко. Все больше и больше бамбуковых зарослей. Тут и там — крепкие растения, разновидности молочая: *сидж* (*Euphorbia* genus) с острыми пятиконечными стеблями: священное растение для местных народов, говорящих на тибето-бирманских языках (ил. 7).

Чувствуется, что вокруг начинается иное пространство. Меняются и лица людей: все более явными становятся монголоидные признаки. Отовсюду слышно дуновение разных ветров. Бенгалия или Бангладеш? Почти Непал? Привкус Юго-Восточной Азии? До Ассама еще полдня езды. На железнодорожной станции Нью-Джалпайгури (NJP, New Jalpaiguri (ил. 5)) выходят туристы, отправляющиеся на джипах в Дарджилинг или Сикким. Дальше на поезде едут исключительно индийцы, в основном — местные жители.

Районы Джалпайгури и выделенный в 2014 г. из него Алипурдур известны только своими заповедниками дикой природы — Букса, Горумара, Джалдапара. Соседнему с востока району, бывшему княжеству Коч-Бихар, «повезло» немного больше: в путеводителях упомянуты его царский дворец, построенный в викторианском стиле, и храм Мадан Мохан, а также рекомендованы экскурсии в храмы Банешвари и Госанимари. Но более — ничего.

В последние годы я проделываю этот путь довольно часто. Выхожу на станции, где никогда не выходят и без того редкие на пути в Ассам туристы: Jalpaiguri Road. Здесь меня уже поджидают друзья и спутники, местные жители. Впереди — экспедиция, дороги и встречи.

Из полевого дневника

5 февраля 2003 г.

Калькутта — Джалпайгури

Вечером — отъезд из Калькутты в Джалпайгури. Выехали из Gorky Sadan² с Шафи в 15:45: Камруп экспресс в 17:35. Приехали на вокзал без десяти пять. Я уже хотела отослать Шафи, мол, сама до поезда доберусь, но он, умничка, говорит: Madam, you please do enquiry! Оказалось, поезд перенесен на завтрашнее утро. То есть вместо того, чтобы сесть в половину шестого вечера и туда прибыть около 8 утра, мне предложили приехать на вокзал завтра к 11 утра и трястись весь день, 11–12 часов, чтобы прибыть туда к полуночи! Весь день Сарасвати-пуджи. Мы с Шафи быстро-быстро к Station master, отправляйте меня как угодно, но сегодня. И он мне переписал билет на Уттарбанга экспресс, который отходит с вокзала Селда (Sealdah) в 21:15. И вот ведь: мадам, напишите заявление, что вы не против путешествовать в ordinary coach (то есть третьим классом, сидячим), и еще вы должны доплатить за расстояние до Селды. Взяла ручку писать, но вовремя опомнилась. Я платила за Sleeper, до New Mainaguri, меня же везут только до NJP, еще с такими приключениями.

В общем, нашлась мне в том поезде полка, спальное место, боковая, но какая разница! Доехала хорошо, утром снимала на видео ландшафт с тающей дымкой тумана. Наутро на станции NJP меня встретил Дилип: как приятно увидеть знакомое лицо после года отсутствия.

14 февраля 2013 г.

Шивмандир

Сарасвати-пуджа и День Валентина

Путешествие на верхней полке со всем багажом — дело нелегкое, ночью то и дело просыпалась, беспокойно все. Утром прибыли в 8:20. Меня встретил Динеш, шли через длиннющий мост над путями. Потом сели в удивительную трехколесную повозку, куда запикивали по 8 человек, и еще долго ожидали пассажиров. На лавочке напротив стоянки повозок — «иконостас» известных политических деятелей Индии XX в. Долго добирались до Шивмандира, в Северо-Бенгальский

² Gorky Sadan — так в Калькутте называется Русский культурный центр, в настоящее время Российский центр образования и культуры; он носит имя Максима Горького.

университет, здесь теперь живет Дипок Рай³ с женой и дочерью. Лепешки с баклажанами. Лекция Свараджа Басу «Наша культура — их культура». Вечером я пообщалась с ним тет-а-тет. Он из Дели, преподает в Университете Индиры Ганди. Катастрофически засыпала: все же, оказывается, устала. Удалось скачать driver для диктофона в интернет-лавке, у маленьких непальцев. Здесь вообще не понимаешь, в каком государстве находишься: уже Непал? Еще Индия? Говорят, тысяча человек ежедневно прибывает сюда из Бангладеш, чтобы никогда не вернуться назад.

Впервые я попала сюда зимой 2002 г. по приглашению Динеша Рая, учителя из средней школы в городке Майнагури, большого энтузиаста в деле изучения местного фольклора (ил. 9). Мы познакомились с ним в 2001 г. на фестивале в Дели; он был с небольшой музыкальной группой из народа раджбанси (раджбанши)⁴, и тогда я впервые увидела их традиционный «змеиный» танец, связанный с культом богини Моноши, или Бишохори (ил. 8). Некогда Динеш был ассистентом и экспедиционным помощником известного этнографа Чару Чандры Саньяла, автора фундаментального этнографического труда «Раджбанси Северной Бенгалии». Теперь же он стал и моим спутником и информантом. Я подружилась с женой Динеша, Дишти (ил. 10) — замечательной певицей, исполнительницей песен традиции *бхавайя*. Она выступает как одна, так и с группой музыкантов и танцовщиц (ил. 11). Их дочь, Аниндита (дома ее неизменно и любовно называют «Мамун» (ил. 12)), с детства играет на нескольких традиционных музыкальных инструментах и неплохо поет.

³ Здесь и в других случаях: написание и произношение бенгальской (да и не только) фамилии Рой / Рай варьирует: Roy, Ray, реже Rai.

⁴ Раджбанси, также раджбанши, раджбонгши, крупная, широко расселенная, социально и профессионально стратифицированная этнокультурная общность с языком, именуемым раджбанси (раджбанши), схожим с бенгальским и ассамским, но содержащим некоторый тибето-бирманский субстрат. Сами себя они именуют «раджбанши», но на деванагари и латинице в настоящее время сложилась традиция написания этнонима и языка как «раджбанси»; это оговаривает Кристофер Вильде, автор грамматики их языка (Wilde 2008: 1–2). Ниже я буду следовать этой модели. Раджбанси восприняли индуизм, а ныне и многие общеиндийские и индуистские культурные черты (мужской костюм, женское сари, пищевая модель).

Динеш познакомил меня со своим другом. Дилип Кумар Барма (ил. 13, 14), по образованию — философ (он окончил Университет Северной Бенгалии, получил степень магистра), по профессии же долгие годы — банковский служащий, сотрудник сначала Регионального Северобенгальского отделения Сельского банка (Regional Rural Bank, Uttarbanga), а затем Центрального банка Индии (Central Bank of India), человек увлеченный изучением деревенской культуры, верований, повседневного быта, песен, танцев — в общем, фольклора и этнографии. Работа в банке для Дилипа была тяжким, но неизбежным занятием, однако и в нем он умел находить интересный для себя угол зрения. По долгу службы он встречался с обитателями самых отдаленных и бедных деревенок. Он узнавал, сохраняются ли у них традиционные формы хозяйствования и культуры. Другая сторона дела — неформальное отношение, помощь неимущим и малограмотным людям в оформлении финансовой стороны их жизни. Дилип Барма ежедневно, без усталости подсказывал, разъяснял людям, на что они имеют право, как им лучше оформить свои денежные вклады и прочее. В 2017 г. он стал директором Института обучения самозанятости в сельской местности при Центральном банке Индии (Rural Self Employment Training Institute, Central Bank of India Jalpaiguri, Under the aegis of Ministry of Rural Development, Gov. of India), а в 2020 г. вышел на пенсию. Ныне он вице-президент Центра народного обучения (Jana Shikshan Sansthan, Jalpaiguri, Skill Development under aegis of Gov. of India), член Центра исследований фольклора при Университете Райганджа (Center for Folklore Studies, Raiganj University, West Bengal) и активный участник деятельности Академии фольклора Толлиганджа в Калькутте (Tollyganj Folklore Academy, Kolkata). В апреле же 2022 г. он был избран советником муниципалитета Джалпайгури.

Первоначально мой интерес был конкретным, ограниченным и касался в основном местной религиозной культуры и исполнительских традиций. Я занималась сравнительным анализом различных танцевальных жанров Индии, и единственное, о чем я знала в начале северобенгальских путешествий, было существование у народа раджбанси того самого своеобразного «змеиного танца», исполняемого девушками и женщинами в ходе обрядов,

посвященных змеиной богине Моноше. Однако огромный энтузиазм моих новых знакомых, бескорыстная помощь, желание учиться основам этнографической дисциплины и готовность делиться своими знаниями навсегда связали меня с этим миром — миром Северной Бенгалии. От меня ждали и ждут поныне, что я буду приезжать еще и еще, путешествовать с ними, размышлять, наблюдать, писать, обсуждать все, что их волнует. У меня просто не было другого выхода: принятие в узкий круг «своих», «посвященных», требует ответного жеста.

Район Джалпайгури, родина моих друзей, стал для меня исходной точкой путешествий, наблюдений и размышлений обо всей территории так называемой Северной Бенгалии. Со временем мне удалось побывать на самых отдаленных его окраинах, в соседних Дарджилинге и Коч-Бихаре, а также в западных районах Ассамы, в областях Гоалпара, Дарранг, и не только. Я жила в деревнях раджбанси, формально считающихся зарегистрированной (или списочной) кастой, и в деревнях других этнических групп, ныне входящих в списки зарегистрированных племен и «прочих отсталых классов» (Other Backward Classes)⁵. Бесчисленное количество бесед, интер-

⁵ Зарегистрированные, или списочные, племена (Scheduled Tribes) в Индии, наряду с зарегистрированными кастами (Scheduled Castes), это обобщающие термины, объединяющие официально признанные государством группы, отличающиеся от «Общих классов» (General Classes, GC, ранее называемые также «Общими кастами»), обладающие рядом специфических признаков (особые тип хозяйства и занятости, территория, социальная структура, язык, верования), признанные исторически дискриминируемыми, социально и экономически отсталыми и защищенные статьей 342 Конституции Индии. Еще одна категория, «прочие [другие] отсталые классы» (Other Backward Classes) — это социально и образовательно отсталые классы (socially and educationally backward classes (SEBC)), составляющие приблизительно половину населения всей страны, на защиту которых направлено действие 340-й статьи Конституции Индии. На ST, SC, ОВС распространяется государственная система резервирования, проводимая в рамках так называемой политики «позитивной дискриминации» (обеспечения их представительства в сфере образования, занятости и управления путем квотирования (ныне это 27% в публичном секторе) и снижения квалификации, необходимой для сдачи экзаменов, получения вакансий и т. п.).

вью, видеозаписи обрядов и праздников, деталей современного быта, путешествия по дорогам и бездорожью. Кое-что для меня прояснилось в жизни людей этой области, жизни реальной и воображаемой, хотя, конечно, остается и много вопросов.

Из полевого дневника
6 февраля 2003 г.
Джалпайгури — Майнагури
День Сарасвати-пуджи

От NJP (Нью-Джалпайгури) до города Джалпайгури — 45 км; ехали на автобусе. Из-за моего приезда и нашей этнографической работы Дилип сократил свою поездку с женой в Коч-Бихар, где у него в эти дни идет поминальная церемония, шраддха, по умершему месяц или пару месяцев назад дяде по матери.

Всю первую половину дня мы ездили по Джалпайгури. Рассказал о своей новой работе в отделении Сельского банка (Rural Bank) в деревне Кучлибари — за городишком Меклигандж, в малюсеньком отростке дистрикта Коч-Бихар, вдающемся в Бангладеш. Там, сказал, так много этнографически интересного! Он собирается устроить этнографический музей, для чего хочет привлечь местных жителей: кто-то даст ему бамбуковых жердей, кто-то — сами предметы, что-то он попросил сделать на заказ, например, две маски, используемые в ходе Моноша-пуджи. Место для этого музея Дилип уже подыскал (и через день я его увидела). На окраине деревни, на излучине реки, около одинокого мангового дерева.

Пока мы планировали поездку, почти весь этот день проездили на мотороллере по Джалпайгури. Утреннюю пуджу я не увидела, поезд пришел около 10:30, и пока мы добрались до дома, был уже полдень. Зато снимали образы Сарасвати: они стоят в неисчислимом множестве, на всех углах, во всех учебных заведениях обязательно, где сегодня выходной. Женщины заняты украшением тханов⁶ с Сарасвати: делают альпоны⁷, ходят по городу в красивых праздничных одеждах,

⁶ *Тхан*, что может быть возведено к др.-инд. *стхана* — место; в данном случае место, в котором установлено изображение божества или алтарь.

⁷ *Альпона*, или *ранголи* — узор, чаще всего напольный (также и на других плоских поверхностях), обычно перед входом в дом, который выкладывается подкрашенным рисовым порошком. Как правило, делается на праздники.

и даже девушки, повседневно носящее джинсы с футболками, — сегодня в сари. Очень много групп молодежи. То и дело слышно «улю-лю» — ими трижды оглашается пространство вокруг, это звуки, которые, как считается, имеют очищающие и благословляющие свойства. Особенно хорошо их умеют производить женщины.

Съездили в гости к Шибапате Бхоумику, он — председатель муниципалитета (Chairman, Jalpaiguri Municipality), в прошлом — фольклорист и занимался культом Тисты, богини Тиста-бури у раджбанси. Смотрели записи обряда 25-летней давности и много говорили.

* * *

Потом, после ланча, Дилип и Ронджона отправились к своим родственникам в Коч-Бихар, а я — в Майнагури. На остановке меня встретила Дипти. И так крепко схватила за руку! Все ее движения — сдержаны, но полны внутренней энергии, она излучает заботу и приязнь: «Теперь ты — со мной!» Мы пошли. Проходя мимо знакомых, Дипти явно гордилась мной: «Посмотрите, вот моя гостья!»

Жизнь медленная, спокойная: асте-асте! (Хотя это они говорят в транспорте, когда одновременно и торопят кого-то, замешкавшегося, но и хотят уберечь его от спешки и падения.) Ни Ронджона, ни Дипти не садятся есть вместе со своими мужьями, кормят их отдельно: их и гостей, если таковые есть. Сами же едят всегда потом.

Вечером гуляли с Динешем и Дипти по праздничному Майнагури: пандаль⁸ с Сарасвати, лавочки, торгующие сладостями, книжная ярмарка — куда меня сразу же пытались ангажировать на завтра как почетного гостя. Зашли в храм Кали около рынка. Как часто бывает: постройка и идол — современные, место, говорят, «очень древнее». Жрецы приняли меня очень радушно: поили чаем, расспрашивали и сами много рассказывали.

Домой вернулись часам к 9 вечера. У соседей на открытой веранде большая компания пела киртаны, посвященные Кришне. Я снимала: алтарь с дымом, музыкантов и певцов, подпевающую публику и улюлюкание. Нас с Дипти кормили прасадом: кусочки фруктов и большие порции кичри. Началось братание, которое грозило затянуться надолго, и мы поспешили удалиться. Дома же ждало еще одно испытание: ужин; есть было трудно после того плотного прасада, но, видимо, любая еда вне дома за еду вообще не считается.

⁸ Временные сооружения для установки алтаря и/или проведения обряда, церемонии, священнодействия.

У Динеша в основном все по-старому, только дома появился телефон. У Дипти вышли новые аудиокассеты, с ее пением. Их ученица Долли Синха из Силигури получила очень неплохую стипендию и сейчас — в Хайдарабаде, изучает вокал.

* * *

Историко-культурные ареалы были и остаются важным предметом этнографических исследований. В 1970–1980-е гг. появились обобщающие концептуальные работы о *территории* как политической технологии, пространстве, связанном правовой практикой, хозяйственной деятельностью. Речь шла о территории не только как о географической области проводимого исследования, но и как о культурной и социальной проблеме (см.: Gottmann 1973; Sack 1986)⁹.

К теме территории в Южной Азии обратились и российские индологи на конференции «Территория и принадлежность» (в рамках проекта И. П. Глушковой «Под небом Южной Азии»; Бочковская 2016). Исследование это было сфокусировано на представлении о «территориальности» (Sack 1986) как своеобразной географической стратегии, нацеленной на контроль и пространства, и людей и выражающейся также во множестве форм — политической, юридической, эмоциональной. Мой рассказ о Северной Бенгалии тогда содержал вопрос — можно ли считать территорией историко-культурную область, не объединенную исторически единой и сильной государственной властью и границы которой довольно расплывчаты, а силы, удерживающие ее целостность, — не очевидны.

Несмотря на усилившиеся миграции и глобализацию, в ряде случаев культурные ареалы обнаруживают определенную устойчивость. Очевидно, что причин тому может быть несколько: географическая обособленность, политическая изолированность, сильная этническая или другая групповая идентичность конкретной общности, связанная с данной территорией.

⁹ См. также дискуссию о «территории», точнее — способах концептуализации территории как своеобразной «ловушке» и о «выходах» из нее посредством исторического анализа: Agnew 2010. Другим интересным подходом к территории как проблеме являются известные исследования «памяти места» Пьера Нора (Nora 1989; 1996).

Интересно, что определенной исторической стабильностью и преемственностью обладают не только, так сказать, «сильные», но и «слабые ареалы», некоторые из которых становятся своеобразными «мостами» между сильными соседями, или буферными зонами. К описанию обществ подобных территорий на Северо-Востоке Индии одним из первых обратился этнограф, профессор Б.К. Рой Барман, связанный своим происхождением с царской семьей одного княжества Северо-Востока Индии, Трипура. Речь идет о пространствах с неотчетливой границей, неясной государственной принадлежностью, слабыми или множественными центрами власти и неявной или слоистой этнокультурной идентичностью. Несмотря на серьезные политические преобразования, изменение административных границ, некоторые ареалы в силу географической обособленности и политической изолированности демонстрируют устойчивость. В чем-то они, как мне кажется, похожи на межзвездное пространство космоса.

* * *

Из полевого дневника

5 февраля 2006 г., воскресенье

Джалпайгури

Утром съездили в храм Три-срота, в 30 км к северу от Джалпайгури. Рядом — Бодогандж, ранее здесь жили бодо. Три-срота — буквально «три потока», Тиста, река, берущая свое начало в Сиккиме: один поток идет из Ранджита, на равнине их становится три. Ранее здесь был сплошной лес, и поселение Рудракшапур — Раджгандж. Сейчас место называют Бат-пакури (Baṭ-pakuri). Местность слабозаселенная и открытая, с одним деревом рудракшей (rudrākṣa, *Elaeocarpus ganitrus*) и с фикусом (aśvattha, *Ficus religiosa*) с расщепленным стволом.

О том, что храм Три-срота это сати-питха (священное место, где почитается богиня Сати, поскольку здесь, по преданию, упала на землю одна из частей ее тела) известно из списков, но три места соревнуются за это звание. Одно на территории Бангладеш, другое — на границе. Здесь храм небольшой, двухкамерный, стоит большая скульптура и одна левая ступня богини — недавнего изготовления.

Гостеприимство: заехали за приятелем Дилипа. В доме звучала сладкая бенгальская музыка. Я похвалила — тут же получила в дар диск. Шофер Раджеш повез нас окольной дорогой, чтобы проехать мимо своего дома. Выходить из машины и заходить в его дом, к сожалению, не было времени, мы спешили; так просто на дорогу к нам выбежала жена, чтобы подарить мне плюшевого медвежонка: тоже почти визит! Очень трогательно. Посетили и других. В прошлый раз одной женщины из числа родни Дилипа не было дома. Так она переживала! *Kharab lagche* — «нехорошо было», *tando bhagya* — «неудача», «*bad luck*». Гость пришел, а ее нет дома! Несчастье. Гость это бог — *otithi deb*.

Мое этнографическое изучение Северной Бенгалии началось в 2002 г. и первоначально было сосредоточено на исследовании местной исполнительской культуры и фольклора. Февраль 2002 г., январь 2003 г., январь — февраль 2004 г., январь 2005 г., январь — февраль 2006 г. я провела в районах Джалпайгури, Дарджилинг, Коч-Бихар и западном Ассаме, изучая музыку, пение, танцы, религию и народные верования разных местных этнических групп. Меня интересовало, какие формы и жанры сказительства, народного театра, танца и музыки здесь существуют, с какими обрядами и культурами они связаны, подвержены ли в настоящее время трансформации и модернизации. Позднее, в 2007, 2011, 2013, 2015, 2016, 2018 гг. я приезжала туда еще несколько раз, чтобы побывать в отдаленных, в том числе племенных деревнях и поселках.

Все экспедиционные выезды, поездки по деревням и поселкам, общение с местными жителями осуществлялись благодаря моим уже упомянутым выше помощникам, спутникам, ассистентам (по-английски называемым *resource persons*). Обе семьи, Динеша Рая и Дилипа Бармы, ставшие мне почти родными во время моих северобенгальских экспедиций, принадлежат к этническому сообществу раджбанси, ныне входящему в категорию «зарегистрированных каст». Увлеченные изучением народной культуры и искусства, они проникались духом полевой этнографической работы; с их помощью я узнала об особенностях местного общества, культуры, верований. С 2002 г. и по настоящее время все мои северобенгальские экспедиции осуществлялись при их бескорыстной помощи и поддержке.

Немало я почерпнула в беседах с этнолингвистом Дипоком Раем, этнографом Бималенду Маджумдаром (ил. 15), историком Свараджем Басу. Источниками настоящей работы стали полевые исследования, наблюдения, интервью в городах и десятках деревень, а также этнографические данные, почерпнутые мной из литературы (в основном описание конкретных племен и локальных групп). Библиография для настоящей работы собрана в результате долгих и тщательных поисков, часть ее — это неопубликованные материалы проектов университетов и Индийского совета исследований в области социальных наук (Indian Council for Social Science Research, ICSSR), а также — малотиражные книги и малоизвестные специализированные работы. Я признательна сотрудникам библиотек ICSSR в Нью-Дели и Центра культурных исследований (Centre of Cultural Research) в Калькутте за неизменную помощь.

* * *

Штаты Республики Индия исходно совпадали с крупными историко-культурными и лингвистическими ареалами. Однако отдельные их части были и остаются примером «слабых ареалов» и требуют специального внимания этнографов. Пример тому — пригималайские области Бенгалии и Ассам, получившие в этнографической номенклатуре обозначение «Северная Бенгалия».

В настоящей работе я обращаюсь к сложной этнографической картине Северной Бенгалии¹⁰ (карта 2), а также к культурному содержанию представления о «Северной Бенгалии», к самой концепции этого региона в контексте его истории. Существует ли «Северная Бенгалия» в этнографической реальности, или же это только условное обозначение территории? А если существует, то — *каким образом* она существует, что составляет ее культурное ядро и как очерчиваются ее границы?

¹⁰ Разделенной, как и в целом вся Бенгалия, сначала в эпоху Британской Индии, в 1905 г. в рамках административной реформы, когда были сформированы провинции Бенгалия, Восточная Бенгалия и Ассам, а затем в 1947 г. между Индией и Пакистаном, восточная часть которого в 1971 г. преобразовалась в Народную Республику Бангладеш.

Северная Бенгалия во многих отношениях связывает между собой Южную, Юго-Восточную и Высокую Азию¹¹ (если под последней понимать пространство Гималаев, переходящее в Тибетское плато).

Пограничность этой области отразилась и на особенностях социального устройства, и на хозяйственной и жизнеобеспечивающей деятельности, и на религиозной и повседневной культуре. Здесь имеются крупные, широко расселенные, социально и профессионально стратифицированные этнокультурные общности, воспринявшие ряд бенгальских культурных черт, индуизм, а ныне и во многом и общеиндийский костюм (в частности, женское сари) — прежде всего, это раджбанси. Свои языки, племенные религиозные и повседневные обычаи, племенное устройство сохраняют живущие в своих деревнях племенные сообщества рабха, ораон, бодо (качари), гаро.

Индуистские храмы Северной Бенгалии, например, находящиеся около Джалпайгури — Джатилешвар (ил. 32) и Джалпешвар (ил. 34–37), — входят в число наиболее почитаемых священных мест, *питха*, чаще всего связанных с шактизмом. Внешне они предельно просты: несколько ступеней ведут вниз, где посередине небольшого святилища располагается большое круглое *йони*, внутри которого обитает *шивалингам* — почитаемый камень. Почти всегда это священные камни необычной формы, находящиеся в низинах, пронизанных сетью водоносных источников, родников. Все старые храмы Северной Бенгалии углублены в землю (ил. 33, 251), иногда всего на несколько ступеней, иногда на 2–3 метра. *Лингам* здесь не возвышается над *йони*, но наоборот: запрятан внутрь, и чтобы к нему прикоснуться, нужно встать на колени и засунуть руку чуть ли не по локоть в круглое отверстие, обычно заполненное влагой и засыпанное как немного увядшими, так и совсем свежими цветами. В рассказах Дилипа Бармы и Динеша Рая звучали две версии осмысления такого углубления святыни: с одной стороны, связь с идеей колодца, в котором священный образ находится на грани между миром

¹¹ Этот термин, редко используемый в этнографии, предложил географ В. М. Синицын (см.: Синицын 1955: 51–67).

подземным и земным и проявляется вместе с водой, как и в источнике, а с другой стороны — общеиндуистская практика устройства двух мест обитания святыни — явной, внешней, «дневной», выставленной на всеобщее обозрение, и скрытой, тайной, невидимой, «ночной». Некоторое сходство имеется между этими храмами и храмом Камакхьи на холме Нилачара около Гувахати в Ассаме.

Культурное пространство восточных пригималайских областей — своего рода место встречи и креолизации нескольких языковых, расовых, хозяйственных, этнических общностей (см.: Majumdar 1971: 112, 226). Тут сосуществуют языки тибето-бирманские, индоарийские и дравидийские, кастовое общество соседствует с племенными образованиями, а на примере раджбанси мы отчетливо видим процессы санскритизации и индуизации тибето-бирманских этнических групп бодо, прежде всего меч и коч. В относительно недавнем прошлом большинство живших здесь народов практиковали подсечно-огневое земледелие *джхум*, что предполагало периодическое передвижение людей и перемещение всей деревни. Со временем подвижность их снижалась, формировались постоянные поселки и городки, менялся облик территории, а с середины XIX в. и особенно начиная с 1870-х гг. резко возросла миграция сюда как представителей кастового общества из Бенгалии, так и рабочих, приезжающих на чайные и арековые плантации, и известных здесь под общим обозначением *адиваси*. Любопытно, что если в целом в Индии этот термин маркирует исконных, племенных жителей, не пришлых, не мигрантов, то здесь мы видим иную картину: здесь *адиваси* — перемещенные семьи из числа племен, в основном с территорий современных штатов Джаркханд, Чхаттисгарх, Бихар. Плантации кардинально изменили и экологический, и социальный облик всего региона. Спокойные территории ныне пересекаются с зонами тлеющих этнополитических конфликтов и даже с областями действия террористических групп.

* * *

Цель настоящего исследования — прояснить этнографическую картину пригималайских областей Бенгалии и очертить их этнический профиль. Речь пойдет о землях пяти районов, административно

входящих ныне в состав штата Западная Бенгалия — Дарджилинг (и выделенный из него в 2017 г. Калимпонг), Джалпайгури, Алипурдуар, а также Коч-Бихар, составляющих регион Северная Бенгалия, само выделение которого не вполне понятно и не очевидно. Неизбежно будет возникать необходимость экскурсов в западные районы Ассама, других штатов индийского Северо-Востока и некоторые другие районы Индии, исторически и культурно связанные с избранным нами пространством. Настройка «оптики», поиск наиболее правильного фокуса взгляда — одна из важнейших задач работы.

Представленные шесть глав книги последовательно анализируют важнейшие проблемы этнографии исследуемого региона.

Первая глава, «Зона неопределенности. “Северная Бенгалия”: проблемы территории, границ и принадлежности», ставит вопрос определения «Северной Бенгалии». Пространственный географический принцип в сочетании с особенностями политической и этнической истории и административной принадлежности стали факторами, наметившими границы этой территории, однако ни один из них не стал решающим, который бы окончательно ее сплотил. Мы обратимся к региональной принадлежности земель Коч-Бихара, Джалпайгури, Алипурдуара и Дарджилинга, к их связи с индийским Северо-Востоком — как в идейном пространстве политических концепций, так и в исторической и этнографической реальности.

Во второй главе — «Узлы истории, разорванные границы, швы повседневности: этапы местной истории и историческая память» — рассматривается историческая картина исследуемого региона. Один из ключевых подходов к выявлению модели его исторического развития я почерпнула в работе Сангитамитры Мишры, изучавшей западную оконечность штата Ассама — Гоалпару, и назвавшей ее пространством «связанных историй и разорванных рубежей». Именно это определение можно распространить и на всю Северную Бенгалию, восточные пригималайские области. Речь идет о буферном характере этой территории, когда на протяжении длительного времени сохраняется его — так сказать — мультипограничный профиль. Это отражается в формировании здесь своеобразного общества контактного типа, в котором хотя и сохраняются отдельные

Оглавление

<i>Глава 5.</i> Чайные плантации Северной Бенгалии: этнокультурные особенности и контекст существования.	341
<i>Глава 6.</i> Встреча пограничий: образы и варианты местного будущего. Этнополитические движения Северной Бенгалии — Горкхаленд, Камтапури, Бодоленд	353
Движение Горкхаленд	358
Движение Камтапури	363
Движение Бодоленд	366
<i>Послесловие.</i> Края, границы и пределы	371
<i>Литература</i>	379
North Bengal: Ethnic Profile and Ethnographic Outlook. East Himalayan regions of India	399

Научное издание

Светлана Игоревна Рыжакова

СЕВЕРНАЯ БЕНГАЛИЯ

**Этнический профиль и этнографическая картина
восточно-пригималайских областей Индии**

Корректор *М.А. Иванова*

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 16.06.2022. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 25,5. Тираж 300 экз. Заказ № 2508

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86